

Заключение
на проект федерального закона № 986679-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»

В настоящем заключении изложены результаты исследования содержания и направленности проекта федерального закона № 986679-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», внесённого 10.07.2020 в Государственную Думу депутатом Государственной Думы П.В. Крашенинниковым и сенатором Российской Федерации А.А. Клишасом¹ (далее – законопроект).

Данный законопроект, как следует из его содержания, направлен на урегулирование оснований, условий и порядка разлучения ребёнка с семьёй («отобрания» ребёнка), применяемого органами опеки и попечительства в соответствии с действующим Семейным кодексом Российской Федерации, с использованием средств государственного принуждения.

Анализ законопроекта даёт необходимые и достаточные основания для выводов о том, что этот законопроект, по существу, не направлен надлежащим образом на защиту жизни, здоровья, прав ребёнка при непосредственной угрозе его жизни, лишь риторически прикрыт декларациями такого содержания. При этом законопроект обладает многочисленными существенными правовыми дефектами, влекущими вполне прогнозируемые серьёзные негативные социальные последствия его применения в случае его принятия в представленном виде, не позволяет достичь публично заявленных его авторами целей данного законопроекта. Обоснованно утверждать о выраженном противоречии этого законопроекта публичному порядку Российской Федерации, традиционным российским духовно-нравственным ценностям, в том числе получившим отражение в Конституции Российской Федерации традиционным нравственным основам семьи и семейному укладу российского общества, действующей системе обеспечения правовой охраны и защиты семей и несовершеннолетних детей, а также конституционно-гарантированным правам

---

¹ Законопроект № 986679-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (о порядке отобрания ребёнка при непосредственной угрозе его жизни)» // <<https://sozd.duma.gov.ru/bill/986679-7>>.

российских семей с детьми, правам детей и их родителей (законных представителей).

Ниже эти выводы развёрнуто обоснованы.

1. Дефектность предлагаемых законопроектом оснований и условий, влекущих «отобрание» ребёнка из семьи

Краткость закреплённой в статье 77 Семейного кодекса Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 06.02.2020) формулировки материальной нормы: *«При непосредственной угрозе жизни ребёнка или его здоровью орган опеки и попечительства вправе немедленно отобрать...»* – ещё можно объяснить и как-то оправдать тем, что эта норма содержит указание в краткой формулировке на существенное обстоятельство – угрозу, при которой уполномоченный орган вправе осуществить «отобрание» ребёнка, то есть совершить действия, прямо ограничивающие права ребёнка и права родителей.

Предусмотренное статьёй 1 законопроекта повторение этой формулировки правовой нормы в новом пункте 12 части 1 статьи 262 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ) без дополнительных конкретизирующих норм, гарантирующих обоснованность принимаемого решения об отобрании ребёнка, является правовым дефектом. Процессуальные нормы должны быть более детализированно и комплексно сформулированы и должны устанавливать и гарантировать такой порядок реализации нормы об «отобрании», при котором в максимально возможной степени, насколько это позволяет правовой инструментарий, удаётся избежать двух возможных негативных сценариев: *первый сценарий*: произвольное отобрание ребёнка без наличия действительных (реальных и подтверждаемых) угроз его жизни и здоровью, с одной стороны, и *второй сценарий*, – гораздо худший в силу его необратимости, – когда при наличии реальной угрозы жизни и здоровью ребёнка (в том числе в условиях уже совершения в отношении него преступных действий) его не изымают из опасных для него окружения и условий и в результате ребёнок погибает от рук кого-то из родителей (законных представителей) или его здоровью наносится тяжкий вред

либо вред средней тяжести, иной вред². Обеспечить в нормах закона такой баланс регулирования, чтобы свести к минимуму возможности реализации этих двух крайне негативных сценариев, – в этом и состоит главная задача перед разработчиками данного законопроекта. Но эта задача не была решена.

Законопроектом предлагается дополнить статью 262 ГПК РФ такой же краткой правовой нормой, которая, как было сказано, имеется в Семейном кодексе Российской Федерации (*«при непосредственной угрозе жизни ребёнка или его здоровью»*) и которая является крайне неопределённой, прежде всего – в контексте её последующего применения.

Согласно новому пункту 12 статьи 262 ГПК РФ, рассмотрение судом дела об отобрании ребёнка будет происходить в порядке **особого производства**. Однако согласно части 3 статьи 263 ГПК РФ, в случае если при подаче заявления или рассмотрении дела в порядке особого производства устанавливается наличие спора о праве, суд выносит определение об оставлении заявления без рассмотрения, в котором разъясняет заявителю и другим заинтересованным лицам их право разрешить спор в порядке искового производства. Таким образом, возникает противоречие: поскольку дела, рассматриваемые судом в порядке особого производства, должны характеризоваться отсутствием спора о праве сторон, а при «отобрании» ребёнка как раз возникает спор о праве (о праве родителей, о котором родители вправе заявить и, скорее всего, заявят, потребовав его защиты), постольку заявление об «отобрании» ребёнка, согласно статье 263, будет оставлено без рассмотрения.

Но такая ситуация может произойти в условиях действительно существующей, реальной непосредственной угрозы жизни ребёнка – вследствие конкретных виновных действий (или бездействия) его родителей или иных его законных представителей. Законопроект при этом (новые нормы ГПК РФ и новая редакция статьи 77 Семейного кодекса РФ) допускает возможность необоснованного затягивания разлучения ребёнка с его семьёй в таких опасных для него условиях, когда действительно требуется экстренное принятие решения о разлучении и его безотлагательное выполнение. В этом смысле существенный недостаток законопроекта заключается в том, что он не обеспечивает

---

² См., в частности, статью 111 «Умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью» и статью 112 «Умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью» Уголовного кодекса Российской Федерации.

оперативность принятия решения и осуществления экстренных действий по защите жизни и здоровья детей в случае непосредственной и реальной, явно высокой угрозы их жизни и здоровью – вследствие виновных действий (или бездействия) его родителей или иных его законных представителей.

В законопроекте эта лексическая конструкция – *«при непосредственной угрозе жизни ребёнка или его здоровью»* – употреблена не только в новом пункте 12, которым дополняется часть 1 статьи 262 ГПК РФ, но и в новой главе 38.1 «Отобрание ребёнка при непосредственной угрозе жизни ребёнка или его здоровью» этого кодекса (включает проектируемые статьи – 319.1 «Подача заявления об отобрании ребёнка при непосредственной угрозе жизни ребёнка или его здоровью», 319.2 «Рассмотрение заявления об отобрании ребёнка при непосредственной угрозе жизни ребёнка или его здоровью», 319.3 «Решение суда по заявлению об отобрании ребёнка при непосредственной угрозе жизни ребёнка или его здоровью»).

Необходимыми и достаточными условиями запуска процедуры разлучения ребёнка с семьёй («отобрания» ребёнка) в законопроекте обозначены:

наличие «заявления об отобрании ребёнка» (часть 1 проектируемой статьи 319.2, части 1 и 2 проектируемой статьи 319.1 ГПК РФ), подаваемое «органом опеки и попечительства или органом внутренних дел, получившими информацию...» (часть 1 проектируемой статьи 319.1 ГПК РФ);

указание в таком заявлении некоторых сведений (почти полностью формального характера), требуемых согласно перечисляемым в части 2 проектируемой статьи 319.1 ГПК РФ позициям;

наличие (или просто формулирование, изложение) обстоятельств, «обосновывающих просьбу заявителя и свидетельствующие о необходимости отобрания ребёнка в связи с непосредственной угрозой его жизни или здоровью» (пункт 3 части 2 проектируемой статьи 319.1 ГПК РФ), без уточнения, какие именно (какого рода) обстоятельства могут быть юридически и фактически обоснованно признаны в качестве юридически значимых, весомых и обоснованных для целей разлучения ребёнка с семьёй.

Важно отметить, что, согласно части 1 новой статьи 319.1 ГПК РФ, *«заявление об отобрании ребёнка у родителей (одного из них) или у других лиц, на попечении которых он находится, при непосредственной угрозе жизни*

*ребёнка или его здоровью подается органом опеки и попечительства или органом внутренних дел, **получившими информацию об угрозе жизни ребёнка или его здоровью**, в районный суд по месту фактического пребывания ребёнка»,* то есть лишь только факт «получения» «*информации об угрозе жизни ребёнка или его здоровью*» уже признается достаточным для инициирования процедуры «отобрания ребёнка». Хотя в самой формулировке процитированной части 1 не говорится, что именно это за информация (имеющейся формулировки явно недостаточно). В предлагаемой законопроектом норме совершенно не указывается (проигнорирована необходимость указания), каков порядок проверки достоверности и получения достоверного подтверждения такой информации.

То есть данная формулировка создаёт чрезмерно широкие и разнообразные возможности для произвольных толкования и усмотрения, для произвольных процессуальных действий, что будет способствовать нарушению законных прав семей с детьми, созданию условий для неправомерного, произвольного разлучения детей с их семьями, то есть для злоупотребления должностными полномочиями, превышения должностных полномочий.

Согласно позиции Европейского суда по правам человека, выраженной во многих его решениях, размытость и неопределённость правового регулирования – это бесспорно грубый дефект законодательства, влекущий грубое **нарушение права на справедливое судебное разбирательство**, предусмотренного и гарантированного параграфом 1 статьи 6 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 04.11.1950, пунктом 1 статьи 14 Международного пакта о гражданских и политических правах от 16.12.1966, статьёй 10 Всеобщей декларации прав человека от 10.12.1948. Такая позиция подтверждена Европейским судом по правам человека во многих его решениях (Постановление от 26.03.1982 по делу «Адольф против Австрии», Постановление от 06.04.2004 по делу «Хелен Стил и Дэвид Моррис против Соединенного Королевства» и мн. др.).

В пункте 1 новой редакции статьи 77 Семейного кодекса Российской Федерации закрепляется требование о проведении проверки поступившего в орган опеки и попечительства или в орган внутренних дел сообщения об угрозе жизни или здоровью ребёнка. Но критерии и способы проверки и оценки достоверности такой информации – факта реального наличия, природы,

источника угрозы и меры вины родителей (законных представителей) ребёнка в этом – в законопроекте совершенно не закреплены и не отражены.

Такой реализованный в законопроекте подход плохо согласуется с позициями Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14.11.2017 № 44 «О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребёнка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав»³. К слову, в этом постановлении указан ряд референтных важнейших прав ребёнка: *«Каждый ребёнок имеет право жить и воспитываться в семье, право на совместное проживание с родителями и воспитание ими, а также право не быть разлучённым со своими родителями вопреки их желанию»* (первый абзац вводной части). И в названном постановлении говорится о виновном поведении родителей (одного из них) ребёнка, обуславливающим опасность оставления ребенка с родителями (одним из них) (последний абзац пункта 8). Но законопроект не содержит никаких упоминаний виновности причастных к «угрозам» лиц.

Согласно преамбуле Международной Конвенции о правах ребёнка от 20.11.1989, именно **«семье как основной ячейке общества и естественной среде для роста и благополучия всех её членов, и особенно детей, должны быть предоставлены необходимые защита и содействие, с тем чтобы она могла полностью возложить на себя обязанности в рамках общества»**. В соответствии с пунктом 2 статьи 3 указанной Конвенции, **«государства-участники обязуются обеспечить ребёнку такую защиту и заботу, которые необходимы для его благополучия, принимая во внимание права и обязанности его родителей, опекунов или других лиц, несущих за него ответственность по закону»**. Пункт 1 статьи 8 указанной Конвенции определяет, что **«государства-участники обязуются уважать право ребёнка на сохранение своей индивидуальности, включая... семейные связи, как предусматривается законом, не допуская противозаконного вмешательства»**. Согласно пункту 3 статьи 13 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах от

---

³ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14.11.2017 № 44 «О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребёнка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав» // <<https://rg.ru/2017/11/20/postanovlenie-dok.html>>; <<http://www.supcourt.ru/documents/own/24386/>>. – 20.11.2017.

16.12.1966: «Участвующие в настоящем Пакте государства обязуются уважать свободу родителей и в соответствующих случаях законных опекунов... обеспечивать ... воспитание своих детей в соответствии со своими собственными убеждениями». Пункт 4 статьи 18 Международного пакта о гражданских и политических правах от 16.12.1966: «Участвующие в настоящем Пакте государства обязуются уважать свободу родителей и в соответствующих случаях законных опекунов обеспечивать ... воспитание своих детей в соответствии со своими собственными убеждениями». Пункт 1 статьи 24 Международного пакта о гражданских и политических правах: **«Каждый ребёнок ... имеет право на такие меры защиты, которые требуются в его положении как малолетнего со стороны его семьи, общества и государства»** (семья на первом месте). Согласно Декларации о социальных и правовых принципах, касающихся защиты и благополучия детей, особенно при передаче детей на воспитание и их усыновлении на национальном и международном уровнях (принята Резолюцией № 41/85 Генеральной Ассамблеи от 03.12.1986), каждое государство должно уделять первоочередное внимание благополучию семьи и ребёнка (статья 1). Благополучие ребёнка зависит от благополучия семьи (статья 2). Забота о ребёнке лежит прежде всего на его собственных родителях (статья 3). И только в случае, «если родители не проявляют заботы о своём ребёнке или она является ненадлежащей, то следует рассмотреть вопрос о заботе о нём со стороны родственников родителей ребёнка, о передаче, ребёнка на воспитание в другую семью или об усыновлении или, в случае необходимости, о помещении ребёнка в специальное учреждение» (статья 4). Но такие императивы проигнорированы в законопроекте.

Непродуманность и дефектность концепции законопроекта проявляется также в его недостатках терминологического и юридико-технического характера.

Так, несогласованы между собой обозначения юридически значимого действия, лежащего в основе запуска процедуры разлучения ребёнка с семьёй («отобрания» ребёнка) – «заявление об отобрании ребёнка» (часть 1 статьи 319.2, части 1 и 2 статьи 319.1 ГПК РФ) и «просьба заявителя» (пункт 3 части 2 статьи 319.1 ГПК РФ).

Предлагаемые статьями 2 и 3 законопроекта, соответственно, новая редакция статьи 77 Семейного кодекса Российской Федерации и новый пункт 46

части 1 статьи 12 Федерального закона от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» не содержат правовых норм, должным образом конкретизирующих действующую норму об «отобрании» ребёнка при непосредственной угрозе его жизни и здоровью. Добавляется только судебный механизм принятия решения об отобрании ребёнка.

Проблема в том, что, с одной стороны, не устанавливаются надлежащих гарантий против необоснованного разлучения ребёнка с семьёй. А с другой стороны, законопроект не содержит правовых норм, с надлежащей полнотой детализации регулирующих должные и возможные действия по защите жизни и здоровья ребёнка, в том числе экстренное изъятие ребёнка из ситуации и условий непосредственной и реальной угрозы его здоровью и жизни вследствие виновных действий (или бездействий) его родителей (законных представителей).

Действующие правовые предпосылки (действующая статья 77 Семейного кодекса Российской Федерации и правовой пробел в Федеральном законе «О полиции») для противоправного (в том числе халатного) бездействия органов внутренних дел и органов опеки и попечительства при наличии в действительности прямой и явной угрозы жизни и здоровью ребёнка вследствие действий (или бездействия) его родителей (законных представителей) – законопроектом фактически предлагается исправить таким образом, что гарантии защиты жизни и здоровья детей усиливаются весьма незначительно. Однако при этом существенно снижаются гарантии защиты прав родителей в отношении своих детей и прав детей на жизнь в своей семье (со своими родителями) вследствие, в том числе, установления ускоренного (в течение 24 часов) принятия судом решения об отобрании ребёнка, что значительно затрудняет возможности родителей воспользоваться адвокатской защитой своих и своего ребёнка прав по причине устанавливаемого крайне малого времени рассмотрения заявления об «отобрании» ребёнка.

Статьёй 3 законопроекта (о дополнении пунктом 46 части 1 статьи 12 Федерального закона «О полиции») полиции вменена обязанность *«принимать и регистрировать сообщения о непосредственной угрозе жизни и здоровью ребёнка, прибывать по месту нахождения такого ребёнка, выявлять обстоятельства, в которых находится ребёнок»*. В этой формулировке проигнорирована и упущена необходимость проверки сообщений, и это является существенным недостатком, ведь *«выявлять обстоятельства, в которых*

находится ребёнок» и проверять достоверность *«сообщения о непосредственной угрозе жизни и здоровью ребёнка»* – это совершенно не одно и то же.

Столь же юридически некорректна формулировка вменения (новым пунктом 46 части 1 статьи 12 Федерального закона «О полиции») в обязанности полиции *«оказывать содействие сотрудникам органов опеки и попечительства... при осуществлении отобрания ребёнка у родителей (одного из них) или у других лиц, на попечении которых он находится»* – без малейшего указания на необходимость получения сотрудниками полиции хотя бы какого-то подтверждения обоснованности утверждений сотрудников органов опеки и попечительства о наличии непосредственной угрозы жизни и здоровья ребёнка.

Очевидно, что сотрудники полиции – это не подчинённые, не бессловесные исполнители и сопровождающие сотрудников органов опеки и попечительства, призванные безмолвно потакать и фактически прикрывать любые их действия, в том числе противоправные. Согласно части 5 статьи 151 «Подследственность» Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 27.10.2020), по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных статьями 285 «Злоупотребление должностными полномочиями» и 286 «Превышение должностных полномочий» Уголовного кодекса Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 27.10.2020), предварительное следствие может производиться также следователями органа, выявившего эти преступления. Стало быть, сотрудники полиции не могут относиться безучастно и игнорировать в определённых случаях в деяниях сотрудников органов опеки и попечительства наличествующие признаки составов преступлений, предусмотренных статьями 285 и 286 УК РФ. И поэтому сотрудники полиции, исходя из требований Федерального закона «О полиции», просто обязаны получать (истребовать) юридические и фактические подтверждения обоснованности решения о разлучении ребёнка с семьёй (об «отобрании» ребёнка) и достоверности закладываемых в его основу «сообщений», если только это не случай, когда их привлекают для сопровождения при исполнении уже вынесенного судебного акта.

Но в предлагаемом законопроектом правовом порядке «отобрания» ребёнка ничего внятного сказанного на этот счёт не обнаруживается.

В части 2 проектируемой редакции статьи 77 Семейного кодекса Российской Федерации требуется указание в «акте об отобрании ребёнка» *«обстоятельств, свидетельствующих о непосредственной угрозе жизни ребёнка»*. Но никак не оговорено, какие именно обстоятельства могли бы быть юридически и фактически обоснованно засчитаны как основа для принятия такого процессуального решения, чтобы отсечь всякие возможности для произвола и злоупотреблений органов опеки и попечительства и иных органов власти в отношении семей с детьми.

В пункте 1 предлагаемой законопроектом новой редакции статьи 77 Семейного кодекса Российской Федерации сказано, что *«орган опеки и попечительства или орган внутренних дел, получившие сообщение об угрозе жизни или здоровью ребёнка, обязаны незамедлительно проверить указанную информацию и при установлении такой угрозы...»*, но не указан, не детализирован порядок проверки «информации» и «установления угрозы», что опять же создаёт условия для злоупотреблений в отношении семей с детьми, произвольного их третирования по надуманным основаниям.

Полагаем, что один из самых больших недостатков законопроекта (как и действующей статьи 77 Семейного кодекса Российской Федерации) – это употребление формулировки – *«непосредственная угроза жизни ребёнка или его здоровью»*, которая позиционируется как отражающая необходимые и достаточные основание и условие для насильственного разлучения ребёнка с семьёй («отобрания» ребёнка), но при этом носит весьма неопределённый, содержательно размытый характер.

Употребление указанной лексической конструкции при крайне вольном, произвольно размытом содержании понятия «угроза» в законопроекте превращает эту конструкцию в «резиновое», оболочечное, вполне произвольно наполняемое чем угодно. Но именно эта формулировка задаёт общий доминантный вектор и тон всему законопроекту.

Угрозы здоровью ребёнка всегда были, есть и будут, включая, например, угрозы простыть или угрозы обрести в детском саду или школе инфекционное заболевание, угрозы получить (бегая во дворе) ссадину на коленках или локтях или получить растяжение связок, прищемить палец дверью, и эти угрозы более чем непосредственны, они объективно составляют часть человеческой онтологии. И всё это несёт и угрозы жизни ребёнка: инфекционное заболевание

при его лечении может привести к заражению ребёнка дополнительными внутрибольничными инфекциями, что, в свою очередь, может окончиться смертельным исходом для ребёнка; ссадина на коленке, вовремя медицинскими средствами не обработанная, может повлечь сепсис (заражение крови) и опять же смертельный исход. Как негативные факторы, опасные для человека с определёнными предположительно исчисляемыми уровнями рисков, такие угрозы объективно есть, их можно несколько редуцировать, но совершенно невозможно полностью исключить в жизни ребёнка. А ещё есть ситуации постоянного проживания семей с детьми в аварийном жилье (не имея возможности приобрести иное жильё и будучи игнорируемыми властями), что тоже создаёт более чем реальные угрозы. Но разлучать ребёнка с семьёй (производить его «отобрание») только на основании чего бы то ни было из такого – не только алогично и явно ненормально, но откровенно противоправно. Презюмирование, что априорно есть некая объективно более стерильная (гарантирующая абсолютную безопасность и защищённость от заболеваний и травм) для ребёнка среда, нежели его родная семья, – носило бы неадекватный характер.

Говорить о *«непосредственной угрозе жизни ребёнка или его здоровью»*, как необходимом и достаточном основании и условии для насильственного разлучения ребёнка с семьёй («отобрания» ребёнка), возможно исключительно к привязке к каким-то конкретным (причём потенциально верифицируемым и подлежащим верификации) уровням рисков, к конкретным действиям (бездействиям), по крайней мере – к наличию и мере вины родителей (законных представителей) ребёнка, которого у них намереваются (под что прописывается правовой режим в законопроекте) «отобрать». Существенно важны здесь форма и мера нарушений прав, свобод и законных интересов ребёнка родителями (законными представителями), влекущих такие угрозы, конкретизация таких нарушаемых (нарушенных) прав, свобод и законных интересов ребёнка, конкретизация и чёткая фиксация наличия и меры общественной опасности таких нарушений, сути и меры угроз.

Часть 1 новой статьи 319.2 ГПК РФ устанавливает: *«Заявление об отобрании ребёнка рассматривается в закрытом судебном заседании с обязательным участием представителя органа опеки и попечительства и прокурора, а также с участием родителей (одного из них) или иных лиц, на*

попечении которых находится ребёнок, а в необходимых случаях также других заинтересованных лиц и самого ребёнка, об отобрании которого подано заявление, если участие этого ребёнка в судебном заседании возможно». Что это за другие лица – для семьи «отобранного» ребёнка может быть весьма критичным. По сути дела, законопроектом всему процессу «отобрания» ребёнка (от и до) атрибутируется заведомо обвинительный, репрессивно-карательный уклон. И такие «мелочи», несомненно, могут быть использованы против интересов и прав ребёнка и его семьи.

Вполне определённый репрессивно-карательный уклон законопроекту придаёт и норма пункта 3 проектируемой новой редакции статьи 77 Семейного кодекса Российской Федерации: *«После отобрания ребёнка у родителей (одного из них) либо усыновителей в соответствии с пунктами 1 и 2 настоящей статьи орган опеки и попечительства обязан незамедлительно обеспечить временное устройство ребёнка, а также в течение семи дней с момента отобрания ребёнка обратиться в суд с иском об ограничении родительских прав или о лишении родителей родительских прав либо с иском об отмене усыновления»*. То есть в законопроекте даже не допускается возможность возврата ребёнка при выявлении ошибочности его «отобрания», при исключении (снятии) имевшихся угроз ребёнку, не допускается возможность отказа от обращения в суд с иском об ограничении родительских прав или о лишении родителей родительских прав либо с иском об отмене усыновления. Почему законопроектом не предусматриваются разные варианты? Например, оставление малолетнего ребёнка (не способного о себе позаботиться) надолго (на много дней) одного дома может являться основанием для определения его как находящегося в условиях *«непосредственной угрозы здоровью ребёнка»*, но если выяснится, что произошло это в результате несчастного случая с родителями и родственниками ребёнка приняты меры к исправлению ситуации, почему ребёнка непременно должны (а так выходит по логике и императивам законопроекта) «отобрать»? Такие радикальные подходы грубо противоречат духу Конституции Российской Федерации в части её гарантий защиты института семьи.

За последние десятилетия в целом по стране произошло настолько большое количество грубейших злоупотреблений, прямых нарушений законов должностными лицами и сотрудниками органов опеки и попечительства в

отношении семей с детьми, что это даже повлекло реагирование со стороны Президента Российской Федерации⁴. И это не позволяет согласиться с априорным позиционированием, презюмированием добросовестного и невиновного поведения в абсолютно любых действиях органов опеки и попечительства, но презюмированием виновного поведения (в т.ч. преступного бездействия) родителей только в силу поступления на них некой «информации». Но именно такой концепт, по сути дела, воплощён в исследуемом законопроекте. Факт виновного противоправного поведения и вменение противоправного поведения подлежат правовому обоснованию, доказыванию. И подчеркнём, не позже в суде, а на более ранних этапах, чтобы не третировать и не позорить семью с детьми, не причинять душевные травмы ребёнку.

2. Дефектность используемой в законопроекте лексической конструкции «отобрание ребёнка»

Обоснованно представляется крайне неудачным использование лексической конструкции «*отобрание ребёнка у родителей*» (хорошо хоть – не «*конфискация ребёнка*» или не «*деродителлизация*», но на самом деле, эта конструкция – из того же смыслового поля, семантического порядка).

Употребление такой формулировки, исходя из устоявшегося понимания прямого семантического, а также контекстного и коннотативного значения лексемы «отобрание» в бытовом языковом сознании и в юридическом понимании, определяет репрессивно-карательную, но никак не охранительную акцентуацию в направленности законопроекта, его содержательную доминанту.

Справедливости ради следует заметить, что изначально введение такого рода лексики – не изобретение и инициатива авторов исследуемого законопроекта, – таковая употреблялась ранее в Семейном кодексе Российской Федерации, и можно отыскать более ранние употребления.

---

⁴ Напомним высказывание Президента России В.В. Путина: «Есть немало примеров, когда родительских прав лишают нормальных, любящих, работающих родителей, некоторые случаи вмешательства в жизнь семьи носят просто абсурдный и издевательский характер... Непродуманное внедрение таких механизмов, по сути, нарушение суверенитета семьи, может спровоцировать недоверие и разлад между родителями и детьми и даже прямую коррупцию, паразитирование некоторых недобросовестных чиновников на проблемах семьи» (Путин: мнение общества будет учтено при рассмотрении законов по урегулированию отношений между родителями и детьми // <<https://tass.ru/politika/528506>>. – 09.02.2013).

Однако то, что эта лексическая конструкция употреблена в Семейном кодексе Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 06.02.2020) (пункт 1 статьи 73, статья 77, пункт 2 статьи 79), такую формулировку⁵ не оправдывает и остроту проблемы в целом не снимает.

Рассматриваемый законопроект как раз мог бы снять эту проблему, введя в Семейный кодекс Российской Федерации более корректные формулировки, тем более что статья 2 этого законопроекта как раз и предусматривает внесение изменений в статью 77 Семейного кодекса Российской Федерации.

Нашу правоту в этой оценке подтверждает отсутствие до сих пор в Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации лексемы «отобрание» (и её производных – «отобрать», «отбирать»). А равно употребление лексемы «отобрать» (как раз в устоявшемся понимании – в отношении материальной вещи, неодушевлённого объекта) в статье 398 Гражданского кодекса Российской Федерации (Части первой) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2020): *«В случае неисполнения обязательства передать индивидуально-определённую вещь в собственность, в хозяйственное ведение, в оперативное управление или в возмездное пользование кредитору последний вправе требовать отобрания этой вещи у должника и передачи её кредитору на предусмотренных обязательством условиях»*. В законодательстве Российской Федерации лексема «отбирать» употребляется в отношении подписки о неразглашении (часть 24 статьи 238 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 27.10.2020)), в отношении проб (ГОСТ Р 58407.2-2020⁶).

Недооценивать значение дефектно подобранной и употреблённой лексики в регулировании столь деликатных отношений недопустимо. Это не абстрактные словесные придирки, но отражает то, что фактически предопределяет сегодня (и уже в течение многих лет) реальное отношение органов опеки и попечительства к своим обязанностям и к подконтрольным субъектам – (реально или мнимо) проблемным семьям, полностью

---

⁵ Из Семейного кодекса данная формулировка была «перетекла» в другие акты, см., например, статью 109.3 Федерального закона от 02.10.2007 № 229-ФЗ (ред. от 31.07.2020) «Об исполнительном производстве».

⁶ ГОСТ Р 58407.2-2020 «Национальный стандарт Российской Федерации. Дороги автомобильные общего пользования. Материалы минеральные. Методы отбора проб щебня» / Утв. и введен в действие Приказом Росстандарта от 17.03.2020 № 139-ст // СПС «Консультант Плюс».

выхолащивает из деятельности органов опеки и попечительства человечность, нравственность, когда указанные органы и их сотрудники относятся к ребёнку именно что как к материальной неодушевлённой «вещи».

Следует также отметить, что парадигма отношения к ребёнку как к вещи (неодушевлённому предмету – объекту вещных, по сути, прав) сегодня активно навязывается государству и обществу – в сфере противоправного и посягающего на права ребёнка «усыновления» детей гомосексуальными двойками (однополыми партнерствами)⁷, при попытках установления неправомерного произвольного контроля над семьями⁸. Наиболее ярко это проявляется в сфере суррогатного материнства⁹, где малолетние дети – на пренатальной стадии развития и после рождения (младенцы) позиционируются как вещи и (в части вынашивания и рождения) как предметы гражданско-правовых услуг. Всё это не имеет под собой юридических и фактических оснований, а «продавливается», по сути дела, «коммерческими агентами» такой индустрии, ничем иным это не объяснить и не оправдать.

Такой подход вступает в противоречие с частью 2 статьи 7 Конституции Российской Федерации, определяющей, что *«в Российской Федерации... обеспечивается государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства»*, и частью 4 статьи 67.1 Конституции Российской Федерации, определяющей: *«Дети являются важнейшим приоритетом государственной политики России. Государство создает условия, способствующие всестороннему духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому развитию детей... Государство, обеспечивая приоритет семейного воспитания, берет на себя обязанности родителей в отношении детей, оставшихся без попечения»*.

Правосубъектность ребёнка вообще никаким образом и ни при каких обстоятельствах не сводима (не может быть сведена) до правового положения

---

⁷ См.: Понкин И.В., Кузнецов М.Н., Михалева Н.А. О нарушениях прав детей при их «усыновлении» гомосексуальными союзами (однополыми партнерствами): Доклад от 17.09.2013 // Правовые основы защиты общества от агрессивного давления субверсивной идеологии аморализма. – М.: Буки-Веди, 2016. – 232 с. – С. 12–54.

⁸ См.: Понкин И.В. Заключение от 07.11.2019 на проект федерального закона «Об основах системы профилактики домашнего насилия в Российской Федерации» // <https://moral-law.ru/files/ponkin_concl_11-2019.pdf>.

⁹ См.: Понкин И.В., Понкина А.А. Оценка суррогатного материнства с позиций права и биоэтики // Право и образование. – 2014. – № 10. – С. 97–109.

вещи как неодушевлённого предмета, поскольку является производным от естественных прав человека, подлежащих признанию государством. И поэтому к ребёнку совершенно не применимо слово «отобрание» (несмотря на то что, увы, применяется).

Но использование именно такой лексики, системно детерминирующей бесчеловечное в целом отношение к основаниям, условиям и правовой процедуре разлучения ребёнка с семьёй (в подлежащих ясному и четкому очерчиванию ситуациях), позволяет разработчикам законопроекта сделать процедуру такого разлучения холодно-бесчеловечной, даже циничной, механистичной, лишённой объективности.

3. Дефектность упрощённой процедуры рассмотрения судом заявления об «отобрании» ребёнка и вынесения соответствующего процессуального решения

Законопроект априорно закладывает в процесс принятия и исполнения решения о насильственном (принудительном) разлучении ребёнка с семьёй («отобрания» ребёнка) выраженные скороспелость и неосновательность решения и необоснованную поспешность, скоротечность его принятия и реализации.

За указанный в части 2 проектируемой статьи 319.2 ГПК РФ срок в 24 часа для рассмотрения судом заявления органа опеки и попечительства или органа внутренних дел об «отобрании» ребёнка (с момента поступления такого заявления) суд может не управиться с рассмотрением сколь-нибудь сложного случая, а родители (законные представители) ребёнка (и/или их адвокаты) могут просто не успеть прибыть в суд на процесс рассмотрения их дела (и уж тем более, надлежащим образом подготовиться к судебному разбирательству). В результате будут массово (по сути дела – автоматически, «конвейерно») выноситься неправосудные и необъективные судебные решения, разрушающие семьи.

Первый абзац пункта 2 новой редакции статьи 77 Семейного кодекса Российской Федерации устанавливает: *«В исключительных случаях, при наличии оснований полагать, что смерть ребёнка может наступить в течение нескольких часов, орган опеки и попечительства с участием прокурора и органа*

внутренних дел может произвести отобрание ребёнка у родителей (одного из них), усыновителей или у других лиц, на попечении которых он находится».

Эта норма даёт веские основания для вопросов: каким образом, по каким методикам или технологиям предполагается прогностически устанавливать, что *«смерть ребёнка может наступить в течение нескольких часов»*, да ещё обоснованно и верифицируемо? Кто и на каких основаниях уполномочен осуществлять такое предиктивное (прогностическое) установление?

Возможно допустить возникновение таких ситуаций, влекущих необходимость применения экстренных мер для защиты ребёнка, но законодательно критерии и способы такого оценивания сегодня не закреплены, ничего на этот счёт не предусматривается и исследуемым законопроектом.

Всё это так же создаёт широкие возможности для произвола и злоупотреблений в отношении семей с детьми. Тем более, что речь в этой норме идёт о внесудебном порядке разлучения ребёнка с семьёй.

И совершенно не ясны границы диапазона времени (от и до), который обоснованно можно обозначить формулировкой *«в течение нескольких часов»*.

Закрепляемая законопроектом во втором абзаце пункта 2 новой редакции статьи 77 Семейного кодекса Российской Федерации правовая возможность оспаривания родителями (одним из них), усыновителями или иными лицами, на попечении которых находился «отобранный» ребёнок, действий органа опеки и попечительства в порядке, установленном процессуальным законодательством, – это совершенно недостаточный «противовес», когда уже в ситуации произвола и злоупотреблений в отношении семьи с ребёнком нанесены тяжелейшие психологические травмы, причинены тяжкие морально-нравственные страдания «отобранному» ребёнку и его родным и близким. Такого инструмента восстановления нарушенных прав явно недостаточно.

Придаваемые должностным лицам судьбоносные (для ребёнка и его семьи, о судьбах которых идёт речь) полномочия по разлучению ребёнка с семьёй должны уравниваться достаточно жёсткими мерами ответственности должностных лиц за произвольное, необоснованное разлучение ребёнка с семьёй, но самое главное – связыванием таких должностных лиц строжайшими, исчерпывающе однозначно прописанными и детализированными процессуальными нормами. Но ничего этого в законопроекте нет.

4. Дефектность игнорирования в законопроекте объективно-обусловленной приоритетности передачи ребёнка в критической ситуации другим родственникам, крёстным, иным доверенным лицам

Даже если гипотетически допустить, что нормы проектируемого федерального закона будут всегда и каждый раз применяться исключительно добросовестно и справедливо, юридически и фактически обоснованно и абсолютно корректно (что, в общем, маловероятно), в законопроекте заложена презумпция, что в приюте (детском доме) или у совершенно посторонних людей ребёнку априорно будет однозначно лучше, чем у близких людей, что не имеет под собой оснований и дискриминирует родственников ребёнка и самого ребёнка.

Совершенно неприемлемым является полное игнорирование законопроектом того факта, что для ребёнка несопоставимо большим благом будет передача его временно другим родственникам (бабушке и/или дедушке, тёте и/или дяде (сестре или брату матери или отца ребёнка), уже взрослым родным или двоюродным брату или сестре самого ребёнка), крёстным ребёнка, иным доверенным лицам, если таковые лица и сам ребёнок согласны на это, выражают к этому желание и волю.

Выводы.

Проект федерального закона № 986679-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», внесённый в Государственную Думу 10.07.2020 П.В. Крашенинниковым и А.А. Клишасом, существенно расходится по своим действительным целям с целями, публично декларируемыми его авторами, прогнозируемо повлечёт реальные и весьма существенные негативные последствия его реализации в случае его принятия.

Законопроект характеризуется множеством существенных недостатков, в том числе концептуального и юридического характера, противоречит Конституции Российской Федерации, международным актам о правах человека, Семейному кодексу Российской Федерации. Принятие этого законопроекта вступит в существенное противоречие с фундаментальными правами семей с детьми, правами детей и их родителей (законных представителей), с публичными интересами и публичным порядком Российской Федерации. Законопроект в

случае его принятия будет способствовать массовым нарушениям прав и законных интересов семей, прав ребёнка, разрушению института семьи в России. Законопроект фактически направлен на создание правовых условий и инструментов чрезмерно избыточного и произвольного вторжения во внутренние автономные дела семей с детьми, будет провоцировать создание интенсивной атмосферы страха семей и их членов перед клеветой, оговорами, заведомо ложными доносами со стороны третьих лиц, третирования российских семей.

Таким образом, указанный законопроект (в представленной редакции) является неприемлемым из-за наличия в нём существенных недостатков правового характера.

13.11.2020

Понкин Игорь Владиславович,
доктор юридических наук, профессор,
член Экспертного совета при Уполномоченном
по правам человека в Российской Федерации,
член Экспертного совета при Комитете Государственной Думы
по развитию гражданского общества,
вопросам общественных и религиозных объединений